

СЕМЬЯ И «КУЛЬТУРА СЕМЕЙНОСТИ»: ТРАДИЦИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

УДК 316.6

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-6116-53-63>

К. А. Тюрин

Южно-Российский гуманитарный институт,
Ростов-на-Дону, Российская Федерация,
e-mail: kirillturin161@gmail.com

Аннотация: В статье анализируются противоречия современной культуры семейности на примере постсоветской семьи. Актуальность темы проистекает из утраты традиционных ценностных представлений о семье, которая грозит не только снижением рождаемости и уменьшением населения, но и распадом межличностной коммуникации вкупе с нарушением социализации. С точки зрения автора, ценность семьи в России в последнее столетие постоянно подрывалась, с одной стороны, приоритетами государства, с другой – идеями индивидуализма. Оказывает влияние и западная пропаганда пересмотра гендерных представлений. Автор считает, что хотя государство и создает условия для доминирования определенных ценностей, подлинная «культура семейности» создается в самой семье, которая не противопоставляет себя государству и не склоняет человека к индивидуализму. Опыт семейных историй, популярных в массовой культуре нашего времени, свидетельствует о противоречиях изолированной ценностной стратегии семьи. Ценности культуры семьи могут складываться при усвоении семейного нарратива, но его ресурсы недостаточны для формирования культуры семейности, в которой семья получает ценностную интерпретацию на уровне общества в целом.

Ключевые слова: семья, самосознание, культура семейности, семейная история, ценности, традиция, государство, нравственность, городская семья, патриархальная семья.

Для цитирования: Тюрин К. А. Семья и «культура семейности»: традиция и современность // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2023. №6 (116). С. 53–63. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-6116-53-63>

FAMILY AND THE "CULTURE OF FAMILISM": TRADITION AND MODERNITY

Kirill A. Tyurin

South Russian Humanitarian Institute,
Rostov-on-Don, Russian Federation,
e-mail: kirillturin161@gmail.com

Abstract: The article analyzes the contradictions of modern family culture on the example of the post-Soviet family. The relevance of the topic stems from the loss of traditional value perceptions of the family, which threaten not only the decline in birth rate and population, but also the disintegration of interpersonal communication coupled with impaired socialization. From the author's point of view, the value of the fami-

ТЮРИН КИРИЛЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ – аспирант Южно-Российского гуманитарного института
TYURIN KIRILL ALEXANDROVICH – Postgraduate student of the South Russian Humanitarian Institute

© Тюрин К. А., 2023

ly in Russia over the last century has been constantly undermined by the priorities of the state on the one hand, and by ideas of individualism on the other. Western propaganda for the revision of gender perceptions has also had an impact. The author believes that although the state creates conditions for the dominance of certain values, the true "culture of family life" is created in the family itself, which does not oppose the state and does not incline people to individualism. The experience of family stories popular in the mass culture of our time testifies to the contradictions of the isolated value strategy of the family. The values of family culture can be formed in the assimilation of the family narrative, but its resources are insufficient for the formation of a culture of familism, in which the desire of the family receives a value interpretation at the level of society as a whole.

Keywords: family, self-consciousness, family culture, family history, values, tradition, state, morality, urban family, patriarchal family.

For citation: Tyurin K. A. Family and the "culture of familism": tradition and modernity. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2023, no. 6 (116), pp. 53–63. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-6116-53-63>

Тема семьи, несомненно, востребована в рамках философской повестки сегодняшнего дня. Семья сегодня часто рассматривается в контексте изучения кризиса традиционной культуры и системы традиционных ценностей. А в современных сложных условиях нарастания глобальных противоречий обращение к семье в первую очередь обусловлено поиском оснований человеческого общежития и воспроизводства населения в развитых странах, а также – стремлением к сохранению подлинно человеческих способов социализации индивидов.

Современное российское общество пребывает в состоянии качественного пересмотра как роли семьи и семейных ценностей в государстве, так и изменения отношений между обществом, семьей и отдельным человеком. По решению Президента РФ В. В. Путина 2024 год объявлен в нашей стране годом семьи. Эта акция не просто символична, она указывает на остроту проблемы и востребованность всестороннего осмысления сложившейся ситуации. Глава государства говорит нам: «Многодетность, большая семья должны стать нормой, образом жизни для всех народов России. А семья – это не просто основа государства и общества, это духовное явление, источник нравственности. Поддержка семьи, материнства, детства должна охватывать работу всех без исключения сфер государственного управления, нашу экономическую, социальную,

инфраструктурную политику, просвещение и образование, здравоохранение, конечно» [7].

Острота демографической проблемы дополняется сложностью вопроса возрождения ценности семьи как источника нравственного здоровья общества. Очевидно, что простое расширение государственных программ поддержки материнства и детства, усиление законодательной базы функционирования института семьи для исчерпывающего решения проблемы явно недостаточно. Требуется особое внимание к культуре семьи и семейности, изменение ценностного отношения к которым в жизнедеятельности каждого человека возможно на пути преодоления накопившихся в прошлом противоречий. Они и составляют предмет предлагаемой статьи.

Основная *проблема* заключается в следующем. В условиях утраты наставнического статуса государства по отношению к семье в конце XX века, а также – еще ранее – искусственно надломленной связи семьи с культурной национальной почвой, современная российская семья осталась наедине с собственной жизненной историей (своеобразное сиротство семьи). Именно эта история стала единственным легитимным в массовом сознании источником становления ценностного каркаса воспитания и формирования коммуникативной стратегии семьи. *Семейный нарратив* – то немногое, что сохранилось в сознании простого человека в качестве фундаментальной ценности на фоне

павших «больших» исторических нарративов народа, нации, государства. Его эволюция в контексте влияния массовой культуры и прозападных идеалов шла по пути увеличения и укрепления дистанции между семьей и различными внесемейными смыслами или целями (общественными).

Поэтому для решения стоящих перед современным российским государством масштабных задач необходимо выявить объективные предпосылки баланса индивидуальных семейных ценностей (сохранившихся на уровне культуры семейности как культуры определенных жизненных драм и историй) и всеобщих значимых. Без этого баланса семья вряд ли будет обретаема государством в качестве реальной нравственной основы жизни общества. С ним же связана и тема семейного воспитания, образования, преодоление конфликтов семьи и школы, семьи и других публичных институтов, ставших заметным явлением в наше время. При этом речь не идет о создании нового идеала семьи. Его универсальный вариант вряд ли вообще необходим. Семейный идеал всегда индивидуален, несмотря на наличие сквозных жизненных «сюжетов». Но вот *культура семейности* во многом действительно может рассматриваться как определенный механизм адаптации лично обретенного ценностного видения себя и общества, с одной стороны, и желательного – со стороны общества/государства, с другой.

Ценности семейной жизни не могут увести человека в сторону от общества. Желание иметь семью нормально не только как ответ на зов природы, но и как желание утвердить (реализовать предметно) собственный уникальный жизненный проект. Вот этот момент принципиален. Время ныне экзаменует на прочность и зрелость само это *желание семьи как часть культурного опыта*.

Семья и культура города: вехи судьбы. Современная российская семья очевидно находится в трудном положении. С ней связываются общественные и государственные надежды и ожидания по возрождению и укреплению нравственной основы жизни каждого

человека. Через этот индивидуальный путь, в процессе семейного воспитания, образования, передачи опыта и ценностей от поколения к поколению, транслируется *национальный код культуры* и иные значимые мировоззренческие ориентиры. Без них общество как единый организм оказывается в исторической перспективе менее устойчивым. В то же время – в результате целой череды крупных социальных потрясений минувшего столетия – семья как определенный институт, как форма существования индивида в обществе, реализующая единство биологической и культурной граней реальности человека, как способ двусторонней связи общества и каждого его члена, оказалась в ситуации глубокой дезориентированности.

Официальная идеология советского времени отвергла основы традиционного патриархального русского «умостроя» (и «домостроя» как его исторической конкретизации), высвободив из его вековых форм первоклеточку любой, даже самой большой, семьи – отношения мужчины и женщины, результатом которых становится их родительский статус, влекущий за собой предписанные государством приоритеты социального, правового, экономического поведения.

Конечно, в такой идеологической установке считывалась вполне объективная историческая логика: весь мир, а не только наша страна, шел по пути научно-технологического прогресса и интенсивной урбанизации. Большая патриархальная семья своим господством в течение длительного времени в первую очередь была обязана аграрному способу производства, жизни «на земле» с ее независимыми от человека циклическими закономерностями, трудностями и радостями. Городской же тип населения, который, начиная как раз с XIX века, стал активно занимать ведущие позиции в структуре европейского и российского социума, опирался на иные принципы.

Глубинные архетипы жизни деревенской семьи – это широкий пространственный горизонт (и в прямом, и в символическом смысле), *круг*, в котором представитель каждого поколения (от старика до младенца) занимает

свою функциональную нишу. Культура деревенской семейности (читай: семейственности) опирается на ценность коллективного труда, на опыт старших членов большой семьи; ей свойственны риторичность, определенный моральный ригоризм и метафоричность. Культура деревенской семьи – это всегда культура земли, культура «мы». И в этом «мы» важны смыслы повторения, *возврата к почве*; откуда также проистекают особенности положения в такой семье детей, женщин, юношей [6]. Правовой статус деревенской семьи вторичен по отношению к обычаю (на Руси это был знаменитый «Домострой» [3]).

В свою очередь городская семья, которая на сегодняшний день образует массовую структурно-функциональную, символическую, экономическую и правовую «единицу измерения» всей современной цивилизации, есть способ прогрессивного покорения жизненного пространства и времени. Это именно в городской семье культура совместного быта родителей и детей (или иных, но непременно близких родственников) стала рассматриваться в логике продвижения «вперед», качественного изменения, улучшения, рывка, цели, которая всегда в будущем. Именно для урбанизированной социокультурной среды стала актуальной метафора семьи как «крепости» (семья сельская крепка почвой), а семейный нарратив получил свободные и более индивидуализированные формы выражения. Культура городской семейности опирается на ценности индивидуального воспитания и образования (ребенка необходимо формировать, активно творчески определять, а не просто прививать ему любовь к труду и трепетное уважение к опыту старших); труд также значим, но он не рассматривается уже как самоценность и самоцель.

В городской семье смена поколений, что очень важно, ценностно оправдана. Особенно этот мотив был характерен для советского общества: дети должны жить лучше, чем родители. Впрочем, не только для советского, если вспомним опыт Франции 1960-х годов. Именно городская семейность, как

опыт общительного (общественного) единства родителей и детей, стала опытом проблематизации возраста (во всяком случае, в западном мире) и в этом качестве также составила предмет внимания философов нашего времени [5]. Впервые в культуре городской семьи стали востребованы смыслы потребления (и соответственно, улучшения быта, инфраструктуры проживания и т. п.), социальной поддержки и помощи, гражданско-правового статуса взрослого члена семьи, наконец, смыслы *изменения как такового*, эволюционирования семьи. Именно в культуре городской семьи появляются *истории* как рассказы (легенды) о том, «как было раньше» и о том, «как стало теперь».

Внутри городской семьи существенно изменились культурные смыслы времени (для городского семьянина чрезвычайно важны различные «расписания», «часы», периоды работы и отдыха и т. п.); отношение к нему стало носить явно выраженный конструктивный векторный характер. *Семейность* как совместный *опыт жизнестроительства* и как вариация совместной судьбы формируется в качестве биографии или же автобиографии. Культура городской семьи в большей степени подвержена дисциплинарным практикам государства и различных публичных институтов. Формально зафиксированная норма и правило в ней играют большую роль, чем ссыла на предшествующий опыт или ценность фундамента.

Говоря о современном обществе, конечно, следует понимать, что ни сельская, ни городская семья не существует абсолютно изолировано друг от друга. Более того, городской тип семьи сегодня вовсе не обязательно может территориально находиться в городской черте. Благодаря развитию информационных технологий сам дух урбанизма и все формы его проявления охватывают ныне практически все основные лакуны социального опыта. В антропологическом ландшафте новейшего времени доминирует профиль большого города. Современник и его семья, конечно, преимущественно горожане. Но главное отли-

чие городской семейности от патриархальной (аграрно обусловленной) заключается в *ранге и содержании ценностей и смыслов*.

Семейность патриархальная – это статичная культура начала, истока, генезиса, охранения. *Семейность городская – это динамичная культура вызова, победы, цели*. Поэтому городской семье свойственен определенный нигилизм в отношении любого социально-культурного устоя. Причем, нигилизм отнюдь не деструктивный, а скорее, наоборот, новаторский нигилизм борца, строителя, первопроходца. Архетипы и хронотопы патриархальной семьи горизонтальны, городской – вертикальны. Внутри городской семьи разрывы и разломы оцениваются в ином свете, нежели в патриархальной деревенской семье. Городская семья склонна к ценностному нейтралитету и идеализации успеха. Деревенская семья крепка *местом*; городская – *дорогой*.

Культура семейности в постсоветском обществе: противоречия индивидуального выбора. Все эти особенности и противоречия городской культуры нашли свое выражение в жизни советской семьи. Ее главная особенность, моральная основа и пропагандируемая функция – производство «советского человека». Достижение такого универсализма было возможно только за счет нивелирования конкретных ролей семьи в процессе воспитания и образования каждого нового поколения. Удивительный факт: в советской семье именно приходящее на смену родителям следующее поколение, дети, затем внуки, всегда обладали большей ценностью в глазах общества. Для советского времени была очень характерна *семейная метафорика*: «общество как семья», «фабрика как семья», «школа как семья», «единый советский народ как большая семья» и т. п., что само по себе говорит об изменении культурного, социального статуса самой семьи (по отношению к обществу традиционному, «домостроительному»). Семья все более доминировала в своеобразной обезличенной форме. В «домодерновом» обществе культура семейности все-таки подчинялась более масштабным фронтальным структурам

«отцовства – материнства». Эти древнейшие метафоры отражали и соответствующее видение предназначения семьи. У «советского человека», конечно же, тоже были отец и мать, но чего было больше в его официальной установке – апелляции к собственной семье или к обществу в целом как семье – вопрос далеко не простой. С крушением советской государственности семья лишилась своего наставника, нравственного координатора и главного «заказчика».

Глубокий социокультурный кризис, в омут которого было ввергнуто российское общество на излете минувшего столетия, в первую очередь, и был кризисом семьи, оказавшейся в ситуации масштабного социального, нравственного, ценностного, экономического сиротства. В качестве простой производственной «единицы» (ячейки) общества ей оказалось очень тяжело не только нести бремя первичной педагогической огранки детей, но и сохранять уже накопленный опыт семейной жизни, ценность семейных историй, существующих наряду с историями «большими» (страны, народа и пр.). Более того, одним из вариантов выхода из сложившегося кризиса и смысловой дезориентированности на уровне простой семьи стал рассматриваться *отказ* от какой бы то ни было всеобщей значимой (значимой для общества в целом, для государства, даже для своего родного края, региона, города и т. д.) стратегии воспитания, образования. Главная цель семейного «взросления» индивида стала рассматриваться откровенно в оппозиционном к обществу и государству ракурсе. Судьбоносный маятник исторического хронометра качнулся в сторону иной крайности: если сама семья есть источник и цель собственной ценности («субъектности», как сказали бы философы), то определение задач развития и укрепления семьи также должно всецело носить *свободный и автономный характер*.

Эта крайность легла в основу множества социальных конфликтов рубежа веков: конфликта между семьей и школой, между гражданской идентичностью, гражданскими

(конституционными) долженствованиями индивида (например, юноши, который обязан нести воинскую службу) и заложенными внутри семьи ценностями и смыслами индивидуального жизненного пути. Список можно продолжить. И главное в нем – отсутствие общности интересов, понимания роли семьи именно в укреплении общественных институтов, наконец, *обесценивание самой культуры семейности, семейственности (фамильности)* и самого человека в той мере, в какой он сам себя определяет не только как «бывшего» ребенка, но и будущего/настоящего родителя. Во всяком случае, задумывающегося о таком, казалось бы, вполне привычном способе собственного социально-культурного взросления, требующим определенной внутренней психоэмоциональной и статусно-ролевой перенастройки личной жизненной программы, нарратива, проекта.

Социальные конфликты семьи и публичной сферы в 90-е годы дополнялись различными иллюзиями и своеобразными «мифами». Если вынести за скобки вопрос о причинах их широкого распространения, связанных с прозападной пропагандой, то их общий интеграл можно охарактеризовать следующим образом: культура семейности стала приравниваться к *практике ограждения семьи (как родителей, так и детей) от каких бы то ни было прошлых или будущих моральных требований и максимум.* По *форме* воспитание стало еще больше акцентироваться на внутрисемейном фронте. Но *по содержанию* творческий (жизнеутверждающий) потенциал подобной внутрисемейности оказался очень скудным.

Семейная история и проблема ценностного выбора: авторство как проблема. Место бывших некогда в советское время нравственных градаций и иерархий стало быстро заполняться такими абсолютизируемыми идеями как «мой ребенок», «мой дом» и т. п. Очень показательным симптомом такого идеализирующего (по сути, ложного) восприятия семьи как *моей собственности* является тиражирование многообразных «семейных историй» в современной массовой культуре.

Не последнюю роль в этом процессе играют СМИ (для которых семейная история – лишь один из немногих «ликвидных» товаров, будоражащих с экрана чувствительность зрителя, его неустойчивую психоэмоциональную конституцию), «желтая» пресса, «женские романы», Интернет и социальные сети, просто символика и кодировка потребительского культа и гедонистического жизненного императива.

На первый взгляд, массовый интерес к семейным историям (например, историям «звездных» семей представителей шоу-бизнеса, известных политиков, олигархов и т. д., а также различных телепроектов по онлайн-созданию семейных пар, от момента первого свидания до расставания уже состоявшейся супружеской пары) говорит о росте ценности семьи в обществе. Слезы умиления, радости или горечи на экране стали для нас практически нормой. Зритель (он же активный потребитель, покупатель соответствующей медийной продукции) заинтересованно принимает участие в судьбе очередной жертвы семейного насилия, мужской/женской «неверности», корысти, подростковой жестокости, алчности, детского/родительского предательства и иных наиболее востребованных сценариев постсоветского семейного нарратива. Его герои вовсе не обязательно гламурные «дивы» или пижоны. Нередко мы смущенно наблюдаем за картиной жизни российской семьи, что называется, в отдаленной «глубинке», когда боль личная, интимная, прочно связывается с болью и несправедливостью социальной, «народной».

Однако если задуматься: что скрывается за всем этим обилием так искренне и вместе с тем цинично преподносимых «историй»? Желание ли отстоять определенные нравственные смыслы или идеи? Тем более что практически в каждой рассказываемой истории всегда есть своя «изюминка», некий пикантный поворот фабулы, неожиданный подарок судьбы, одним словом, свое непереносимое отклонение от *нормальной* семейной жизни. Для массовой культуры и господствующей в ней логики товарно-денежных отношений

нормальная семья на самом деле *неинтересна*. Но дело не только в поиске наиболее продаваемого броского товара. «Создавая огромное поле потребления “семейных продуктов”, массовая культура виртуозно и разнообразно играет с реальностью и в реальность. Претендуя на роль социального психотерапевта, она “лечит” больное тоталитарным прошлым общество” и помогает ему осуществить переход: весь вопрос – куда? Реализуя глубинные стратегии консьюмеристского общества, массовая культура становится эффективным способом зарабатывания огромных денег, прежде всего – путем формирования очень емкого рынка образов, моделей поведения и стратегий жизненного успеха» [8, с. 153]. Для урбанизированной жизненной среды отмеченная автором «игра в реальность» весьма характерна: современный город – это царство непрекращающегося «праздника жизни» (в том и суть его скрытых рыночных механизмов), пребывание в котором питает индивида иллюзиями и аллюзиями бытийного насыщения (а по факту – насыщения подобиями, намеками, бликами, фантиками, множеством ситуаций «как бы»). Современный город с его многообразием услуг, комфортной средой и иными плюсами, питает потребительское восприятие также и воспитания детей. Неопытные молодые родители все время стремятся отдать своего малыша в какой-нибудь очередной «кружок» для развития у него того или иного умения, навыка. Все это происходит *как бы* и на уровне знаков.

Есть и еще один, даже более важный, аспект. В массово тиражируемых семейных историях явно преобладает мотив саморазоблачения, такая своеобразная экранная версия искренности и исповеди. Данный мотив и есть то, что успешно «покупает» зрителя/читателя. Возникает эффект *авторского* проекта истории семьи (или истории моего одиночества как вариации темы семьи). То есть история семьи, изложенная определенным образом, со своими акцентами, пробелами и смысловыми концентратами обретает черты внутренне нравственно *оправданного* произведения. Подобно любому художе-

ственному произведению (именно подобно!) семейная история сама определяет критерии моральной оценки, «правды» и «лжи», успеха и неудачи и т. д. Происходит делегирование полномочий нравственного кодекса и самосознания простому автору семейной истории, рассказчику собственной судьбы или истории жизни близких людей. Ни государство, ни какой-то социальный институт (церковь, школа, армия, этническое сообщество, иная культурная страта), ни даже *другая семья* (напомним, что в патриархальном традиционном обществе она обладала таким правом – особенность деревенского образа жизни) не могут отныне интерпретировать или как-то менять внутренние мотивы, ценности и символы семейной жизни. Иными словами, культурная, этическая, педагогическая *легитимация* той или иной конкретной практики семейного жизнестроительства опирается исключительно на *смысловые ресурсы, заключенные в рассказанной/показанной хронике семьи (или даже отдельного человека)*. Напомним, что ложный характер публичной исповеди как раз в русле осмысления кризиса традиционной семейной культуры был раскрыт в творчестве Ф. М. Достоевского (особенно в романах «Бесы», «Подросток» и «Братья Карамазовы»). Далекое не всякая искренность обладает нравственным значением. Искренность и истинность не всегда тождественны.

Семейная история как *история*, конечно, может рассматриваться в качестве современной вариации преодоления нравственного отчуждения индивида в семье (о котором писал еще Гегель [2, с. 245] и позже Энгельс [9], отмечая негативные стороны семьи как ячейки общества). Однако идеализация *рассказанного* всякий раз становится неизбежностью уже хотя бы потому, что для массового восприятия искренность и саморазоблачение однозначно маркируют *подлинность*, а подлинность в сознании россиянина всегда соседствует с критериями нравственного, должного, истинного (это соседство заложено очень глубоко в структурах коллективной психологии русской культуры).

И, далее, такая идеализация на самом деле оказывается *контрпродуктивной* по отношению к самой же семье как опыту социально-культурного становления «я». Для простого человека, который всегда изначально есть ребенок, семья – это первый и самый важный опыт жизни в обществе. Вектор такой жизни, как бы он ни оправдывался внутрисемейными коллизиями, ошибками или неожиданными «подарками судьбы», не может конфликтовать с обществом. Особенно в ситуации, когда на государственном уровне провозглашается масштабная задача восстановления нравственной основы жизни этого самого общества.

Семейная история как источник противоречия личности и общества. Можно ли в таком дистанцировании семейной истории и ее внутреннего ценностного профиля от общественных норм обвинять автора истории? Если, конечно, речь не идет об откровенно коммерческом проекте очередного онлайн-окна в чужую семью. Думаем, вряд ли. В нашей стране в сложное постсоветское время рубежа веков подобный семейный нарратив нередко оставался едва ли не единственным нравственным заветом, равнозначным как для родителей, так и для детей. В нормальной семье уважение, поддержка, помощь старикам или детям и взаимное понимание между членами семьи всегда были нормой. Не всегда получалось следовать этой норме, но в качестве работающего механизма выстраивания личностной стратегии и мотивации жизни человека она сохраняла свою функциональность даже в условиях тотального нигилизма по отношению к самому государству и этическому ригоризму прошлого. Другое дело, что в следовании такой норме нравственное самосознание оборачивалось собственной противоположностью: целью уважения и почитания становились – вполне ожидаемо и естественно – всегда конкретные люди. По формуле «мой ребенок всегда прав» просто потому, что он *мой*.

Идеализация семейной истории приводит к ее переводу исключительно в плоскость *настоящего* времени. Автор истории, ссылаясь на прошлое, ценностно окрашивает лишь его

результат, то, что есть сейчас, то, что он сам есть в существующих обстоятельствах. Семья как ценность стала изыматься из культурно-исторического контекста. Понимание свободы семейной жизни, ее независимости от официального государственного курса привело, фактически, к *идеологизации внутрисемейного бытия и быта и критическому восприятию общественных структур, институтов и публично декларируемых норм*. И это странный парадокс эволюции российской семьи в сложный период социально-культурной катастрофы конца XX века. Рост авторитета семьи, культ семейственности и обновленного домостроительства не способствовал выходу из кризиса самой культуры семейности, связанного с утратой ценностного отношения молодого поколения к семейному опыту и нарративам прошлого. В какой степени такая неоднозначная ситуация являлась следствием ошибок и противоречий еще советского времени и в какой – реакцией на вызовы дня (прежде всего, конечно, экономические трудности), это уже отдельный вопрос.

Индивидуализм в сочетании с фантомом свободы (а по факту – вседозволенности) привели просто к тому, что многие, традиционно отмечаемые функции семьи как института, оказались *заблокированы самой же семьей*. Культивирование воспитания детей или строительства семейного «очага» (семейного счастья) не могли обеспечить общество надежным способом сохранения преемственности духовной составляющей социальной реальности. А без этой составляющей сама семья как союз мужчины и женщины (родительская семья) вырождается в простое социальное (или даже экономическое) партнерство, скрепленное юридическим договором, действенность которого гарантирована государством. А семья – как отношения родителей и детей – вообще оказывается под сомнением. Неудивительно, что взрослеющие дети все чаще видели собственное будущее в других культурных системах (в которых семья в исходном смысле слова отнюдь не на первом месте), а семейный очаг не выдерживал испытания внешними

потрясениями, экономическими кризисами и правовой неурегулированностью внутри-семейных отношений.

Между культурой семейности и культурой близкого, дружеского, общения, интимного контакта и единения также возникла растущая пропасть. Как оказалось, далеко не всегда реальный член семьи является близким другом, поистине родственником. Ценности личного самосовершенствования, карьерного роста, материального обогащения или творческой самореализации практически всегда шли (в сфере своей практической реализации) вразрез с ценностью (культулой) семейного домостроительства и сбережения (упрочнения) семейного «круга». А такие «модные» на рубеже веков прозападные идеологии, как *феминизм* или *трансгендерная теория* лишь способствовали росту нигилистического восприятия семейной культуры в ее традиционном формате. «Прогрессивным» вариантом современной семьи стало рассматриваться *партнерство*. А что такое партнерство по сути своей? Не более чем простое *сожитительство* [4]. Оно никак не закреплено институционально. И никак не вписывается в базовые ценности самой культуры как системы воспроизводства личности и общества. Но на уровне семейной истории (а СМИ и социальные сети сегодня предлагают немало и таких нестандартных сессий псевдоподлинного «исповедального» нравственного самосовершенствования индивидов, польстившихся на призраки «свободного» счастья) даже сожитительство способно получить интерпретацию самого выстраданного произведения и опыта высокого нравственного переживания.

Опасность для современного российского общества таится в том, что сожительствующие партнеры не просто свободны в правовом смысле слова. В конце концов, такая регуляция была бы лишь вопросом времени, если бы она решала все проблемы и противоречия. Дело в другом. Свобода ценностная, изоляция любой подобной семейной истории как основы мотивации поведения и отношения к обществу и просто к другим людям/семьям при-

водит к тому, что сама *семья превращается в некую условность* (семья создается по нужде, диктуемой извне, а отнюдь не по причине личной убежденности в ее ценности и необходимости). Особенно страдают дети. Как известно, их появление на свет далеко не всегда является результатом сознательного планирования (рождение детей стало рассматриваться как план/проект именно в урбанизированной жизненной ситуации семьи модерна и постмодерна). Для любого ребенка семья (даже если это одинокая мать или одинокий отец, по ряду причин), однако, уже не является условностью. И совершенно независимо от того, были ли родители в отношениях юридического или личностного партнерства или же союза, основанного на сильном чувстве любви, желании совместного житнетворчества и т. д., для ребенка семья остается семьей.

Взрослый индивид, в которого превращается неизбежно любой ребенок, в той мере, в какой он сам себя соотносит с семейным опытом как практикой реализации ценностно окрашенного жизненного проекта, не может быть исключен из поля публичного взаимодействия. В этом поле, в свою очередь, доминируют уже отнюдь не ценности – рамки институциональных систем, право и другие формы, за которыми всегда стоят интересы *большинства*. Это одна из глубинных причин противоречий семейного судьбостроительства. Если его рассматривать как процесс суверенного самоутверждения и саморазвития, то любая семья как единство родителей и детей обречена на «распад». Тот же Гегель писал о неизбежности распада семьи, но имея в виду не распад конкретной родительски-детской семьи как единицы гражданского общества, а выход за рамки родительского круга человека, его «мужание» и укрепление личного самосознания [1, с. 209–210].

Смысл семейного «проекта» будет всегда за пределами семьи как сугубо родительского проекта. *Взрослеющий* ребенок в таком проекте – всегда цель, словно отодвигаемая вдаль. Если же сами родители остаются ведущей ценностью в опыте личного саморазвития

индивида, то тогда подключается авторитет и сила традиции (здесь в качестве актуального примера можно привести народы Северного Кавказа, Средней Азии и других, близких к России, регионов). В обоих данных случаях семейная культура, как очевидно, остается где-то в срединном промежутке. Кризисные же явления в жизни российской семьи конца прошлого века как раз и были обусловлены, с одной стороны, обесцениванием родительского смысла семьи (как опыта социально значимого, общественно звучащего и опирающегося на мировоззренческие стандарты прошлого), а с другой – неясными перспективами будущего. Воспитание и материальная поддержка детей, конечно же, никуда не исчезла. Наоборот, в качестве приоритета даже возросла. Но проблема заключается в том, что подобное воспитание оказалось *вынужденно, объективно, ценностно совершенно нейтральным* и потому – очень шатким в качестве эффективной стратегии укрепления культуры семейности в новых реалиях.

Культура семейности *не может опираться только на семейные истории как формы нравственного взросления индивида*. В условиях массовой культуры замыкание семейности только на собственные сценарно-событийные структуры и знаки чревато разрушением устойчивой связи семьи и общества, а значит – и обесцениванием семьи. Проще говоря, ценность семьи не производна от того, что выстрадано (если оно вообще выстрадано, а не просто выставлено на всеобщее обозрение и судилище) в истории конкретной семьи как союза родителей, детей нескольких поколений.

Ценность семьи не тождественна ценности моей судьбы/судьбы моей семьи. Бытие семьи – это вообще не вопрос судьбы. Безусловно, в жизни каждого человека и в истории любой семьи всегда проявлялись определенные знаки судьбы. Проблема начинается тогда, когда эти знаки абсолютизируются и полагаются в основание ценностно-смысловой иерархии, самосознания, оправдания. Известные в истории цивилизации ценности челове-

ской культуры (ценности, прежде всего, самой жизни, и семья имеет к ним самое прямое отношение) могут и были аргументом в том или ином оправдательном повествовании. Но само такое повествование не обладает ресурсами для формирования каких-то новых ценностей. *Ценно само по себе повествование (рассказ) как феномен современной семейной жизни. Но оно как форма не может подменять собой содержание нравственной культуры общества, носителем и ретранслятором которой и выступает именно семья*.

Сегодня культура семейности подвержена прямому и очень сильному влиянию двух противоречащих тенденций.

С одной стороны, явно сформировался публичный заказ на ее традиционную ценностно-смысловую составляющую. Об этом говорится официально. Ибо только крепкая полновесная семья, заинтересованная в укреплении собственного положения в обществе, в обеспечении почвы устойчивого развития детей (внуков), может сама выступать основным надежным адресатом государственной политики и стратегии, направленной на укрепление цивилизационного суверенитета, невозможного без самостоятельности в выборе ключевых ориентиров самосознания общества.

С другой же стороны, объективное и неизбежное в условиях постиндустриального развития и укрепляющегося господства сетевой коммуникации влияние прозападного неолиберального идеала и стандартов массовой культуры как способа эксплуатации человеческой чувствительности и смысловой сферы накладывает прямой отпечаток на культуру семьи и семейности в наши дни. Попытки государства и общества в лице институтов и отдельных сообществ укрепить авторитет семьи как доступного каждому способа достижения «простого человеческого счастья» нередко опираются именно на массовые жизненные стандарты, в которых доминируют мотивы и императивы потребления, материального благополучия, необходимости получения тех или иных удовольствий как практики замеще-

ния смысложизненного поиска. Кроме того, процесс семейного воспитания, образования вынужден адаптироваться к реалиям «сетевого» мира, частью которого себя считают современные дети и подростки.

Вопрос не исчерпывается только тем, способна ли семья оградить ребенка от негативной в психологическом или моральном отношении информации, обильно присутствующей в так называемом модном ныне *smart*-пространстве, в которое погружен пользователь современной «экономики сервиса». Попытка синтезировать традицию и инновацию в процессе ренессанса семейных ценностей на технологической и коммуникативной платформе в современных условиях приводит к тому, что адресация и авторство семейной истории переносится в мир иной, существующий словно «за кадром», в ситуации «между». Предположим, что во избежание такого негативного сценария необходимо соблюдать определенный баланс между ценностным измерением культуры семейности

(прежде всего, как культуры общения и обмена между представителями разных поколений, разных возрастов и разного уровня нравственной зрелости) и ее же внешним – интересами социума и культуры. Акцентировка последней – обязательный компонент государственной политики.

В качестве вывода можно заключить, что позитивная «культура семейности», способная содействовать росту населения России и развитию индивидуального человека, должна в современных условиях уйти от доминирующего в массовой культуре индивидуального *семейного нарратива*, построенного на интересе к приключениям и на самолюбовании в узком кругу. Этот круг нередко сам чувствует себя временным, а его члены не обременяют себя ответственностью ни друг перед другом, ни перед прошлым, ни перед будущим. Важнейшая задача государства – вернуть семью в ценностный круг единства семьи и общества, что достигается не только материальной поддержкой, но и огромной работой с сознанием.

Список литературы

1. Гегель Г. В. Ф. Философия права. Москва: Мысль, 1990. 524 с.
2. Гегель Г. В. Ф. Феноменология Духа. Санкт-Петербург: Наука, 2002. 444 с.
3. Домострой. 3-е изд. Москва: Экономическая газета, 2008. 302 с.
4. Захаров С. В. Новейшие тенденции формирования семьи в России. Статья первая. Расширяющиеся границы брака // Демоскоп Weekly. № 237–238. 6–19 марта 2006. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0237/tema01.php>
5. Лишаев С. А. Философия возраста (возраст и время). Санкт-Петербург: Алетейя, 2022. 512 с.
6. Нефедова Л. К. Понимание детства в концепции «Домостроя» // Реальность. Человек. Культура: антропологические проекты русской культуры: материалы Всероссийской научной конференции, Омск, 17 ноября 2017 года: Омский государственный педагогический университет. 2017. С. 158–163.
7. Путин В. В. Выступление на Пленарном заседании Всемирного русского народного собора. 28 ноября 2023 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72863>
8. Шабурова О. Караваны историй: Семейный нарратив в массовой культуре // Семейные узы: Модели для сборки: сборник статей. Кн. 1. Москва: Новое литературное обозрение, 2004. С. 134–155.
9. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства: В связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана. Москва: Издательство политической литературы, 1982. 240 с.

*

Поступила в редакцию 10.12.2023